
ТАКСОНОМИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

А.Н. Олейник

*доктор социологии, кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института международных
экономических и политических исследований РАН*

Введение: Множественность механизмов координации

Несмотря на значительное число научных и научно-популярных работ по этой теме, проблема власти и ее роли в структурировании обыденной жизни пока еще изучена недостаточно. Это обстоятельство отчасти можно отнести на счет весьма спорного (contested) характера самого этого концепта, что предполагает трудности с выбором лишь одного из известных определений власти, «апеллируя только к теоретическим критериям».² Кроме того, концепт власти используется не только в научном дискурсе, но и в обиходе. В этой связи Альфред Шюц призывает ученых-обществоведов строить свои концепты с помощью категорий, подсказываемых здравым смыслом.³ Однако несогласованность позиций ученых усугубляется многозначностью словоупотребления слова «власть» в обыденной жизни. Настоящая работа нацелена на выявление существующих пробелов в нашем знании данной области и рассмотрении имеющихся стратегий ликвидации таких пробелов.

У статьи двойная задача – эпистемологическая и онтологическая. С одной стороны, я намерен рассмотреть подходы как континентальной, так и

¹ Данная работа написана в рамках проекта «Строительство международной экспертной сети по вопросам административной реформы в пост-советских государствах», который осуществляется при поддержке Исследовательского совета по гуманитарным и общественным наукам (SSHRC), Канада (грант No. 861-2005-0001). Автор выражает признательность д-ру Марку Беренсону (Исследовательский институт проблем развития при Университете Сассекса, Великобритания), профессору Валерию Ледяеву (Государственный Университет – Высшая школа экономики) и всем участникам семинара, проходившего в Университете «Мемориал» Ньюфаундленда в конце августа 2006 года, за их полезные критические замечания и комментарии. При этом автор несет единоличную ответственность за аргументы, приводимые в настоящей версии текста. Данная статья была первоначально опубликована в сборнике *Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе*, под ред. А. Олейника и О. Гаман-Голутвиной, Москва: РОССПЭН, 2008, с. 31-57.

² T. Wartenberg, *The Forms of Power: From Domination to Transformation* (Philadelphia, PH: Temple University Press, 1990), p.12.

³ A. Schutz, 'Formation du concept et de la théorie dans les sciences sociales', in: A. Schutz, *Le chercheur et le quotidien: Phénoménologie des sciences sociales* (Paris: Méridiens Klincksieck, 1987), p.79.

аналитической философии в рамках единой аналитической системы. В частности, в работе будет показано, как эти два подхода дополняют друг друга, высвечивая различные элементы одной и той же картины. С другой стороны, предлагаемый мною подход позволяет по-новому взглянуть на разнообразие эмпирически наблюдаемых форм властных отношений. Я считаю, что они могут быть изучены в рамках единого аналитического концептуального аппарата.

Традиционно власть включают в предметную область политологии, что объясняется важностью этого концепта для изучения государства, политических институтов и процессов. Однако Макс Вебер определяет власть как способность субъекта навязать свою волю в процессе социального действия,⁴ чем расширяет рамки ее приложения и превращает ее в одну из ключевых категорий общественных наук в целом. Для социолога, чьи профессиональные интересы сосредоточены на вопросе взаимодействий и координации, власть представляет собой *один из* ключевых механизмов координации. Власть вездесуща, поскольку повсюду существует необходимость в «координации деятельности... для достижения общей цели».⁵

Выбор координации в качестве отправной точки в исследовании проблемы власти контрастирует с методологическим индивидуализмом аналитической философии и с холистическим подходом, характерным для философии континентальной. Аналитическая философия ставит отдельного субъекта в центр анализа. Властные отношения, которые обычно приобретают форму диад, предположительно являются результатом сознательного выбора, который делают отдельные люди; они поддаются рационализации. Рассуждая таким образом, можно применить экономические модели и модели теории игр к исследованиям природы власти. Большинству экономистов, например, близка и понятна следующая фраза: «структура стимулов, с которыми приходится иметь дело субъекту, представляет собой полный набор плюсов и минусов, связанных с выбором той или иной стратегии поведения. Обычно субъекты наделены властью над другими в той степени, которая позволяет им манипулировать структурой стимулов последних».⁶

Континентальная философия, со своей стороны, подчеркивает роль, которую играют институты и общий контекст действия в формировании властных отношений и в придании им устойчивого характера. Определение власти как сплетения взаимоотношений, заложенных в существующих институтах, которое предлагает Мишель Фуко, ведущий представитель континентальной философии, занимающийся изучением проблемы власти, иллюстрирует подобное изменение в аналитическом фокусе. «Власть, как мне кажется, следует понимать как совокупность отношений силы (*rappports de*

⁴ M. Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology* (New York: Bedminster Press Inc., 1968), p.53.

⁵ D. Wrong, *Power: Its Forms, Bases and Uses* (New York: Harper Colophon Books, 1980), p.248.

⁶ K. Dowding, *Power* (Minneapolis: MN: University of Minnesota Press, 1996), p.5.

force), которые существуют в определенной сфере и играют в ней основополагающую роль... Властные отношения не являются внешними для других типов взаимоотношений – для экономических процессов, межличностных взаимоотношений, сексуальных отношений, - они внутренне им присущи».⁷

Интерес к координации предполагает, что анализ будет сфокусирован на некой области, которая располагается между индивидуальным принятием решений и его контекстом. Человек для достижения своей цели должен иметь возможность предсказывать поведение окружающих его/ее людей а так же помогать этим людям предсказать его/ее собственное поведение.⁸ Иногда на нашем пути к поставленным целям встают другие люди, чьи действия становятся препятствием для их достижения. Есть и другие цели, которых нельзя достичь, не объединяя усилий с окружающими нас людьми. Институциональный контекст обеспечивает взаимодействующие стороны информацией и процедурами, благодаря которым согласованные действия становятся практически осуществимыми. Институты, поддерживающие координацию, определяются в широком смысле как «коллективное действие, контролирующее, освобождающее и расширяющее действие индивидуальное».⁹ В частности, координацию можно обеспечить внутри иерархии (посредством асимметричного контроля), когда большинство решений принимает один человек. При этом считается, что другие люди вообще не должны проявлять собственной инициативы.

Было бы заблуждением считать, что власть является *единственным* инструментом координации, что исключало бы ее замену другими механизмами координации. Координация может быть достигнута спонтанно, «невидимой рукой», как любят повторять экономисты. Это утверждение иллюстрирует случай спонтанной координации, который описывает Томас Шеллинг, когда он говорит о «фокальных точках». «Успех в решении задачи поиска такого ключа [к «расшифровке» поведения визави], или, скорее, *любого* ключа (а ключом станет любой ключ, в котором общее мнение опознает таковой), может зависеть от воображения больше, чем от логики. Успех этот может зависеть от аналогии, прецедента, случайной договоренности, симметрии, эстетической или геометрической конфигурации, казуистического рассуждения и того, кем являются играющие и что им известно друг о друге».¹⁰ Однако для того, чтобы координация взаимных ожиданий произошла спонтанно, требуется существование минимального общего культурного фона (анalogии и прецеденты культурно специфичны: ведь, в конце концов, в разных

⁷ M. Foucault, *Histoire de la sexualité*, Vol. 1: 'La volonté de savoir' (Paris: Gallimard, 1976), pp.121-124.

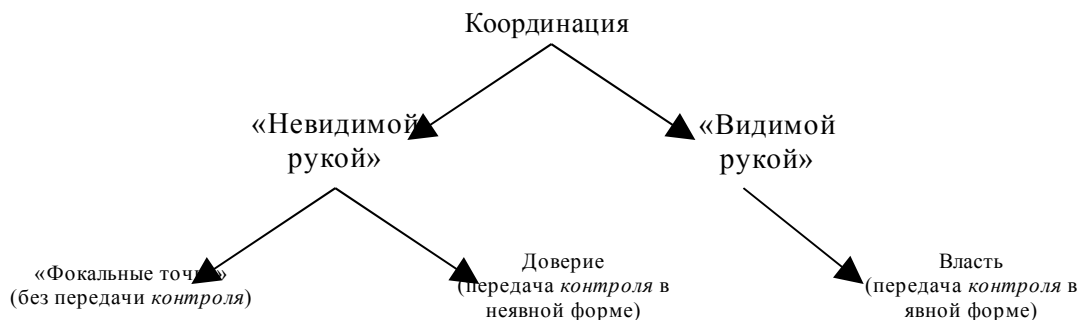
⁸ Подробнее об интерпретации и взаимной корректировке на базе координации см. P.et & L. Thévenot, 'Les catégories de l'action collective', in: A. Orléan, ed., *L'analyse économique des conventions* (Paris: Presses Universitaires de France, 1994), pp.154-157.

⁹ J. Commons, 'Institutional Economics', *The American Economic Review*, Vol.21, No.4 (1931), p.648.

¹⁰ Т. Шеллинг, *Стратегия конфликта* (Москва: ИРИСЭН, 2007), с.78.

странах люди в детстве не обязательно читали одни и те же сказки и смотрели одни и те же мультфильмы), который отсылает нас к институциональной среде.

Рисунок 1. «Три механизма координации»

Доверие – в его обобщенной форме, т.е. доверие к людям, которые человеку лично неизвестны, к людям вообще – следует считать другим альтернативным механизмом координации (Рисунок 1). Доверие означает, что «человек ожидает от других людей некоторых действий, которые влияют на выбор, который делает сам этот человек, когда ему нужно предпринять какое-то действие до того, как станут известны действия других людей».¹¹ Другими словами, доверие предполагает принятие односторонней зависимости в неявной форме: здесь тоже действует «невидимая рука». Высокий уровень доверия между взаимодействующими сторонами позволяет им полагаться друг на друга при выполнении обещаний и в соблюдении прав и обязательств. В другой стороны, низкий уровень доверия предусматривает участие третьей стороны, задача которой состоит в том, чтобы заставить их уважать правила игры, и, следовательно, ведет к передаче ей права контроля над действиями других.¹² Такой переход контроля и является квинтэссенцией властных отношений.¹³

По результатам *World Values Survey (WVS)* можно говорить о наличии общей тенденции к понижению уровня обобщенного доверия во всех странах мира, по крайней мере, в 80-х и 90-х годах (Таблица 1). Ситуация в отдельных странах может меняться (динамика обобщенного доверия в США выглядит особенно волатильной, если сравнить результаты *WVS* с результатами *General Social Survey, GSS*), но при этом средний по выборке уровень обобщенного доверия неуклонно снижается. Исключение составляет только 1999 год. Низкий

¹¹ E. Ostrom, 'A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action', *American Political Science Review*, Vol.92, No.1 (1998), p.12.

¹² Д. Норт, *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* (Москва: Начала, 1997), с.54.; D. Gambetta, *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection* (Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1993), p.15; А. Олейник, 'Конституция российского рынка', в кн. А. Олейник, под общ. ред., *Институциональная экономика* (Москва: Инфра М, 2005), с.412-413.

¹³ J. Coleman, *Foundations of Social Theory* (Cambridge and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990), pp.66-67.

уровень доверия ограничивает число возможных вариантов выбора, и субъекты чаще всего полагаются на властные отношения как на инструмент координации.

Таблица 1. «Как вы, в общем, считаете: можно ли доверять большинству людей, или лучше проявить осторожность, имея дело с людьми? (% респондентов, которые выбрали первый вариант)»

Год	Среднее по выборке WVS			США		Великобритания (WVS)	Россия (WVS)	
				WVS	GSS			
1982	36.5 (N=27,189; 25 стран)	39.2 (N=2,325)	36.5 [†] (N=801)	42.5 (N=1,167)	35.9 (N=1,082) [‡]			
1990	34.6 (N=46,587; 38 стран)			48.1 (N=3,182)		38.4 (N=1,019)	42.1 (N=1,484)	37.5 (N=1,818)
1995	25.2 (N=71,691; 57 стран)			35 (N=1,542)		33.6 [‡] (N=1,905)	30.4 (N=1,093) [*]	23.9 (N=1,980)
1999	28 (N=91,723; 70 стран)			35.5 (N=1,200)		37.2 [*] (N=2,324)	28.5 (N=1,000)	24 (N=2,415)

Источники: World Values Survey (www.worldvaluessurvey.org, сентябрь 2007 года, обработано автором) и General Social Survey (<http://webapp.icpsr.umich.edu/GSS/>, сентябрь 2007 года, обработано автором). [†] – данные за 1983 год; [‡] – данные за 1996 год; ^{*} – данные за 1998 год; ^{*} – данные за 1998 год; ^{*} – обследование проводилось на основе нерепрезентативной выборки, в одном регионе (Тамбовская область).

Властные отношения принимают различные формы. По этой причине они являются хорошей дифференцирующей переменной с рядом атрибутов. В результате того, что в фокусе оказываются властные отношения, сравнительные исследования можно проводить без использования терминов и концептов, относящихся только к отдельному случаю, отдельной стране или области. Часть I данной статьи посвящена обсуждению трех регистров социального действия: привычного, нормального и обоснованного. В частности, будет показано, что сфокусированность на отдельном человеке оказывается обоснованной для анализа координации лишь в некоторых регистрах социального действия. В других случаях требуется смещение акцента на институциональную среду, в рамках которой субъекты координируют свои действия. Изучение взаимоотношений между типом социального действия (привычное, нормальное и обоснованное) и структурой властных отношений (способом навязывания своей воли) требует выстраивания двухмерной таксономии властных отношений, о чем идет речь в Части II. В каждом случае таксономия иллюстрируется с помощью эмпирически наблюдаемых форм властных отношений. Часть III содержит эмпирические иллюстрации отдельных случаев в таксономии. Вопрос о том, имеет ли смысл включать в таксономию третье измерение, а именно цели использования власти (власть как средство и власть как самоцель), будет кратко рассмотрен в Части IV. Соответствие между видом действия, с одной стороны, и структурой властных

отношений, с другой стороны, может отсутствовать, если власть имеет терминальную ценность.

Предложенный анализ имеет предварительный характер; собранных данных недостаточно для формального доказательства, и потому они используются, главным образом, в качестве иллюстрации. Тем не менее, текст показывает преимущества новой таксономии властных отношений.

Часть I: Анализ властных отношений через призму различных типов социального действия

Абстрактный и всеобъемлющий характер концепта власти делает необходимой операционализацию, или, если использовать терминологию марксистской философии, переход от абстрактного к конкретному. Первые и до сих пор чаще всего цитируемые попытки разработки всесторонней таксономии конкретных форм (атрибутов) властных отношений относятся еще к началу XX века. М. Вебер использовал различные принципы, которые лежат в основе притязаний власти на легитимность, – это может быть право, традиция, харизма, – в качестве ключевого критерия разработки таксономии. Однако он четко не обосновал выбор легитимности в качестве критерия классификации. Он просто предположил, что «каждая такая система пытается установить и поддерживать веру в свою легитимность».¹⁴ Почему же передачу права контроля нужно непременно оценивать под углом легитимации?

Другую попытку сделать концепт власти более пригодным и полезным для эмпирических исследований предпринял Гирт Хофстед. У него в центре внимания оказывается культурно приемлемая степень неравенства в распределении права контролировать действия человека. Он использует для количественного анализа власти «дистанцию власти», измеряемую с помощью ординальных шкал. «Дистанция власти между боссом *B* и подчиненным *S* внутри иерархии есть разность между степенью, в которой *B* может определять поведение *S*, и степенью, в которой *S* может определять поведение *B*».¹⁵ К сожалению здесь прорыв в решении проблемы измерения был обеспечен ценой перескакивания через все вопросы, связанные с легитимностью власти: список прогностических параметров властной дистанции главным образом состоит из таких объективных показателей, как географическая широта, на которой находится страна, размер ее населения и уровень его благосостояния (ВНП на душу населения). Стратегию «большого скачка» от абстрактного к конкретному взяли на вооружение и другие ученые, большинство из которых решили сосредоточиться на структурных вопросах, например:

¹⁴ Weber, *Economy and Society*, p.213.

¹⁵ G. Hofstede, *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values* (Beverly Hills, CA and London: SAGE Publications, 1980), p.99.

- Степень монополизации применения силы¹⁶ (ср. упор на легитимном в противоположность нелегитимному применению насилия у Вебера¹⁷);
- Экстенсивность: «Отношение числа людей, наделенных властью, к числу людей, лишенных власти»¹⁸ (этот автор выходит далеко за рамки использования чисто структурных критериев, и его концепция в дальнейшем будет рассмотрена более подробно);
- Степень всеохватности: «Число сфер деятельности, в которых обладатель(ли) власти контролирует деятельность субъекта(ов) власти»;¹⁹
- Интенсивность (разновидность властной дистанции): «Набор эффективных вариантов, открытых для обладателя власти *внутри* всех без исключения сфер деятельности, где действует субъект, над которым он обладает властью»²⁰;
- Степень «разграничения ветвей власти и ответственности при решении таких задач, как... правовые вопросы,... законодательные вопросы,... исполнительные и бюрократические функции и... международные отношения»;²¹
- Местоположение: «уровень социальной организации..., на котором воплощена власть»;²²
- Степень асимметрии: «отношение изменения в поведении объекта влияния к изменению в поведении источника влияния»²³.

Каждый из этих структурных критериев или их комбинации помогают создавать классификации, которые исследователь может применить к широкому кругу ситуаций, начиная от индейских племен в Америке и террористических групп до транснациональных корпораций и государств в Западном полушарии. Как это часто случается, повышение надежности достигается в ущерб валидности.²⁴ вопросы, касающиеся условий, при которых

¹⁶ C. Tilly, 'War Making and State Making as Organized Crime', in: P. Evans, D. Rueschemeyer and T. Skocpol, eds., *Bringing the State Back In* (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1985), p.171; C. Tilly, 'Terror, Terrorists, Terrorism', *Sociological Theory*, Vol.22, No.1 (2004), p.11.

¹⁷ Weber, *Economy and Society*, p.54.

¹⁸ Wrong, *Power*, p.15.

¹⁹ Ibid., см. так же S. Lukes, *Power: A Radical View* (Houndmills, Hampshire and New York: Palgrave Macmillan, 2005, 2nd edition), p.75; S. Cornell & J. Kalt, 'Where does Economic Development Really Come From? Constitutional Rule among the Contemporary Sioux and Apache', *Economic Inquiry*, Vol.33 (1995), p.405.

²⁰ Wrong, *Power*, p.16. В этой связи Герберт Саймон (H. Simon, 'Notes on the Observation and Measurement of Political Power', *The Journal of Politics*, Vol.15, No.4 [1953], p.513) говорит о сфере деятельности в «зоне приемлимости».

²¹ Cornell & Kalt, 'Where does Economic Development Really Come From?', p.405.

²² Ibid., p.406.

²³ Simon, 'Notes on the Observation and Measurement of Political Power', p.507. Цитируемый автор предполагает, что власть всегда подразумевает взаимное влияние, однако степень такой асимметрии может быть различной.

²⁴ Похожая ситуация складывается и с изучением сетей. Многообразие форм сетей препятствует нахождению общепринятого языка для их описания. Последние достижения в этой области знания были получены ценой помещения в центр анализа исключительно структурных аспектов и оставления в стороне таких важных моментов, как феномен локализации взаимодействий и его последствия, противопоставление инсайдеров и аутсайдеров и так далее (А. Олейник, 'Модель сетевого капитализма', в кн. А. Олейник, под общ. ред., *Институциональная экономика* [Москва: Инфра М, 2005], с.375-378).

субъекты жертвуют частью своей свободы и самостоятельности, и, в широком смысле, касающиеся «социальных механизмов» властных отношений, остаются без ответа. Чтобы удовлетворить интерес к надежности и валидности, потребуются дальнейшие попытки перехода от абстрактного к конкретному, совершаемые без принесения в жертву аналитического интереса к случаю обоснованной власти.

Анализ Дэвида Битэма дает нам ключ к разгадке скрытых препятствий на этом пути. Он критикует Вебера за то, что тот не сумел систематически применить четко определенный набор дифференцирующих критериев при разработке трех идеальных типов легитимной власти. По Битэму, легитимность власти производна от (i) ее соответствия установленным правилам, (ii) обоснованности правил, что достигается, когда в их основе лежат представления, которые разделяют как те, кто господствует, так и те, кто подчиняется, (iii) выражения согласия подчиненных на определенное властное отношение.²⁵ У Вебера легальная власть удовлетворяет условию (i), традиционная – условию (ii) и харизматическая – условию (iii). Иными словами, эти три идеальных типа являются результатом применения трех разных критериев, что заставляет сомневаться в логически последовательном и систематическом характере таксономии.

Указанный автор также предлагает объяснение, почему необходимо обосновывать власть. В глазах любого нравственного агента «властные отношения несут в себе негативные черты – исключение, ограничение, навязывание и пр., – и [поэтому] нуждаются в обосновании».²⁶ В результате концепт власти и концепт легитимации полностью совпадают: *неспособность* обеспечить легитимацию власти ведет к насилию и принуждению (что исключает последние две формы из перечня властных взаимоотношений). Но тогда возникает новая проблема: можно ли использовать легитимацию в качестве дифференцирующего критерия, если она присуща *всем* властным взаимоотношениям? Иными словами, складывается впечатление, что Битэм недооценивает многообразие иных приемов навязывания своей воли другим, чем легитимации.

Идея регистров взаимодействия – привычного, нормального и обоснованного – принадлежит Лорану Тевено.²⁷ Представляется правильным положить ее в основу последующих шагов. Она подразумевает, что не все взаимодействия требуют легитимации. Например, локализованные (во времени, в географическом и институциональном пространствах) взаимодействия с теми, кто «находится на расстоянии вытянутой руки», позволяют субъекту уделять им меньше внимания и иных когнитивных ресурсов. Привычное действие часто основывается на заведенном порядке, что делает ненужными как обоснование,

²⁵ D. Beetham, *The Legitimation of Power* (Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, Inc., 1991), p.16.

²⁶ Ibid., p.57.

²⁷ L. Thévenot, 'L'action comme engagement', in: Barbier J.-M., ed., *L'analyse de la singularité de l'action* (Paris: Presses Universitaires de France, 2000), pp.213-238.

так и обсуждение: координация может произойти «молча». Заведенный порядок может действовать на физическом, телесном уровне, потому что он «запечатлен» на теле. Используя общепринятую метафору, противопоставляющую тело и сознание как средства навязывания воли,²⁸ привычное действие четко соответствует первому.

В регистре нормального действия действуют те субъекты, которые имеют похожие планы и проекты. Чтобы скоординировать свою деятельность, им нужно согласовать общие задачи и интересы. Поэтому они говорят на языке интересов, возможностей, полезности и функциональности. Их задача состоит в том, чтобы сделать координацию взаимно полезной и выгодной, а не в том, чтобы обосновать ее. Решение, передавать ли право контроля, в результате зависит от рационального расчета. Либо «один субъект [передает его другому], потому что первый субъект считает, что ему будет лучше, если руководить им будет другой» (случай согласованной власти, *conjoint authority*), либо первый субъект сделает это, «не разделяя это представление, а в обмен на материальную компенсацию» (случай рассогласованной власти, *disjoint authority*).²⁹ Представляется, что существование схожих планов и общих интересов требует координации не на основе власти, а в других формах. Поэтому Стивен Льюкс приравнивает власть к господству: «*A* влияет на *B* способом, *противоречащим интересам B*».³⁰ С другой стороны, концепт трансформативной власти, то есть власти осуществленной *в интересах B*, ставит под вопрос исходный постулат, касающийся конфликтной природы любых властных взаимоотношений.³¹ На это могут возразить, что «родство душ» применительно к интересам не исключает применения власти. Напротив, власть может помочь в преобразовании общих интересов *in potentio* в реальные общие интересы.

И, наконец, в высшем регистре взаимодействия носят обезличенный характер, они открыты для потенциально неограниченного числа участников. Координация своих действий с обобщенным Другим требует их обоснования, которое определяется как соотнесение с общепринятыми и понятными всем критериями оценки и нравственными суждениями.³² Здесь уже сознание

²⁸ T. Mitchell, 'Everyday metaphors of power', *Theory and Society*, Vol.19, No.5 (1990), pp.545-546.

²⁹ Coleman, *Foundations of Social Theory*, p.72.

³⁰ Lukes, *Power*, p.109. Курсив добавлен.

³¹ Wartenberg, *The Forms of Power*, Ch.9.

³² В этом контексте можно по-новому взглянуть на одно из ключевых допущений социэкономии, согласно которому «индивидуальные решения и поступки производны не от одного принципа, будь то максимизация полезности и минимизация страданий или некий абсолютный императив действия, а эмпирически отражает конфликт между двумя – как минимум двумя не сводимыми друг к другу полезностями. Первая заключается в стремлении к удовольствию, вторая – в следовании моральным обязательствам» (A. Etzioni, 'Toward a New Socio-Economic Paradigm', *Socio-Economic Review*, Vol.1 [2003], p.111; см. так же A. Etzioni, *The Moral Dimension: Toward a New Economics* [New York and London: The Free Press, 1988], p.4). Модель рационального выбора применима для описания взаимодействий в регистре нормального действия, тогда как детерминированное моралью поведение характерно для регистра обоснованного действия. Конфликт между двумя принципами возникает тогда, когда то же самое действие включает в себя элементы как «нормальной», так и «обоснованной» координации.

становится ключевым средством навязывания воли. Стоит отметить, что общепринятые и понятные критерии являются внешними по отношению к индивиду. Они воплощены в институциональной среде, и в этом регистре вряд ли можно игнорировать общий контекст властных взаимоотношений.

В итоге нам удастся избежать как опасности проигнорировать обоснование, так и опасности превратить ее в *ключевой* элемент властных отношений. Мы также избегаем смешения двух концептов – власти (power) и авторитета (authority). Представляется разумным определить авторитет как властные отношения, подлежащие моральному обоснованию и успешно прошедшие это испытание.³³ «Легитимная власть или авторитет ... дает [подчиненному] моральное основание для сотрудничества и послушания».³⁴ С другой стороны, обладателю власти (power) не нужно обосновывать свое действие. Чтобы воздействовать на подчиненных: достаточно полагаться на санкции (позитивные и негативные), стратегии манипулирования, силу (физическую и психическую) или монопольное положение на рынке. Властные взаимоотношения не регулируются никакими внешними принципами или институциональными ограничениями; их ограничивает только определенная конфигурация ресурсов. Напротив, авторитет по определению ограничен. Власть существует в квази-физической области, где наличествуют парные силы действия – противодействия и причинные связи. Тогда не приходится удивляться, что аналогии, заимствованные из физики, часто используются в текстах на тему власти. Например, Аристотель сравнивал власть с физическим принуждением.³⁵ В этом смысле у власти есть ряд общих элементов с контролем над материальными объектами, воплощенным в праве собственности. Как формулирует Джон Коммонс, «старое разграничение владения физическим имуществом и договорной свободы превращается в разграничение поведения тех людей, которыми командуют и вынуждают к послушанию, и поведения тех, на кого воздействуют только убеждением или принуждением».³⁶

³³ Следует признать, что есть и другие подходы к различению власти и авторитета. Д. Ронг, например, говорит об авторитете как праве на контроль, основанном из занятия определенной позиции или обладания определенным статусом (Wrong, *Power*, p.35). Как показало обсуждение с моими студентами из Летнего Международного Университета в Македонии (Скопье, июль 2005 года), «диспозиционное» определение соответствует здравому смыслу во многих странах Восточной и Южной Европы. Как представляется, здесь авторитет прочно ассоциируется с такими понятиями, как «начальство», «вышестоящие» и т.д. Сам Ронг тоже обращает внимание на определения власти и авторитета, специфичные для французского и немецкого языка в отличие от английского (Wrong, *Power*, pp.9-10; см. так же P. Hegy, 'Words of Power: The Power of Words', *Theory and Society*, Vol.1 [1974], pp.329-33). Термины для обсуждения власти на русском языке обсуждаются в В. Ледяев, *Власть: концептуальный анализ* (Москва: РОССПЭН, 2000), с.167 и Олейник, 'Конституция российского рынка', с.414-415. Однако дискуссия о специфичных для определенной культуры терминах и концептах находится дальше по пути движения от абстрактного к конкретному. К ней лучше обратиться уже после обсуждения новой таксономии.

³⁴ Beetham, *The Legitimation of Power*, p.26.

³⁵ См. Wartenberg, *The Forms of Power*, p.79.

³⁶ J. Commons, *Legal Foundations of Capitalism* (New York: Macmillan Company, 1939), p. 282; курсив в оригинале.

Часть II: Двухмерная таксономия власти

Власть, как было отмечено во Введении, следует рассматривать как концепт второго порядка по отношению к координации, которая представляется центральным моментом социального действия. Тем не менее, приведенное выше рассуждение наводит на мысль, что нам, вероятно, следует заняться поиском недостающего звена между координацией и властью. Можно ли считать концепт господства (*domination*) хорошим вариантом? Вряд ли, поскольку существуют два способа осуществления власти: *вразрез* с интересами (случай господства) и *в соответствии* с этими интересами. Далее: интерпретация господства с точки зрения институтов, которые дают возможность сделать навязывание воли постоянным и регулярным,³⁷ делает его менее релевантным в регистре привычных и нормальных действий. Концепт влияния, который Джеймс Скотт помещает на высший уровень своей аналитической схемы,³⁸ подвержен аналогичной критике. Во-первых, его смысл часто зависит от конкретной конфигурации интересов, наблюдаемой в отношениях между *A* и *B*: Льюкс, например, использует этот термин там, где отсутствует столкновение интересов, и приписывает ему чисто «позитивное» значение.³⁹ Во-вторых, влияние может иметь более прикладное, а не абстрактное значение: Уортенберг видит в нем особый способ навязывания воли и использует этот термин и термин «манипулирование» как взаимозаменяемые (манипулирование как частный случай влияния).⁴⁰

Возможно, что концепт контроля достаточно абстрактен и нейтрален, и в силу этого может стать связующим звеном между координацией и властью. Джеймс Коулмен определяет властные отношения в терминах передачи права контроля от одного индивида к другому.⁴¹ Он главным образом сосредоточивается на добровольно и рационально просчитанных передачах, и от этого его анализ представляется особенно уместным в регистре нормального действия. И все же, если учесть варианты вынужденной и нерелевантной передачи контроля и рассмотреть тот факт, что одним из решений проблемы координации может стать слияние двух центров принятия решений в один, т.е. случай, когда принятие решений одной стороной будет контролировать другая сторона, то тогда концепт контроля может оказаться приемлемым.

Процесс концептуализации и операционализации властных взаимоотношений можно проиллюстрировать в следующем виде (Рисунок 2). Пунктирные стрелки представляют взаимоотношения, исследование которых вывело бы нас далеко за рамки данной статьи. Например, глубинное познание взаимосвязи отличного владения собой и притязаний на то, чтобы

³⁷ J. Scott, *Power* (Cambridge: Polity Press, 2001), p.16.

³⁸ Ibid., pp.12-16.

³⁹ Lukes, *Power*, p.36.

⁴⁰ Wartenberg, *The Forms of Power*, pp.104-105.

⁴¹ Coleman, *Foundations of Social Theory*, pp.66-.

контролировать действия других людей,⁴² заслуживает отдельного изучения. Как было отмечено выше, механизмы контроля над материальными объектами имеют ряд общих элементов с властью над людьми в чистом виде. Но вопросы прав собственности будут рассмотрены только попутно, не углубляясь в детали.

Рисунок 2. «Концептуализация и операционализация властных взаимоотношений»

Определения, поддающиеся эмпирической проверке, выделены курсивом. Этот список определений пока еще далеко не полон. В результате того, что в центре внимания оказался асимметричный контроль во взаимоотношениях с другими людьми, большинство определений, поддающихся эмпирической проверке, относятся к политическим режимам на макро- и микро-уровнях: стандартное определение политики включает в себя деятельность, относящуюся к выработке правил, которые помогают координировать действия, и к обеспечению их выполнения.⁴³ Условия, при которых возникают конкретные политические режимы, взяты в квадратные скобки. Чтобы составить более полное представление о рационально-правовых и

⁴² M. Foucault, *Histoire de la sexualité*, Vol.2: 'L'usage des plaisirs' (Paris: Gallimard, 1984), p.88.

⁴³ A. Heywood, *Politics* (New York: Palgrave, 2002), p.4.

харизматических формах власти, герократии, теократии, патриархальной и патримониальной власти, отошлем читателя к трудам Вебера.⁴⁴ Ричард Роуз с соавторами подробно разбирают определения плебисцитарных и конституционных автократий.⁴⁵

Плебисцитарная автократия, она же «реалистическая» демократия, предполагает относительно свободные выборы и предвыборную борьбу, исключая при этом соблюдение принципа верховенства закона, т.е. условие соответствия власти установленным правилам в этом случае не выполняется. Полноценная демократия, напротив, должна включать в себя все три элемента обоснованной передачи права контроля: соблюдение принципа верховенства закона, получение согласия, выражаемого посредством регулярно проводимых выборов, и обеспечение соответствия самого закона совокупности представлений, которые разделяют как господствующие силы, так и подчиненные, и которые выражаются в *volonté générale*, или в интересах общества в целом.⁴⁶ Одно из преимуществ предложенной концептуализации состоит в том, что она позволяет избежать опасности смешения и, вследствие этого, неправильного применения концептов, которые соответствуют различным стадиям движения от абстрактного (координации и контроля) к конкретному (формы властных взаимоотношений, поддающиеся эмпирической проверке).

Подобная концептуализация положена в основу разработки более формальной таксономии властных отношений. После классификации растений и животных Карла Линнея (1730) и периодической системы элементов Дмитрия Менделеева (1869) ученые-естественники постоянно совершенствовали нормы аналитического описания. В общественных науках – отчасти из-за их непарадигматической природы⁴⁷ – прогресс в разработке ключевых концептов оказался гораздо менее впечатляющим. Предлагаемая попытка разработки всеобъемлющей таксономии властных взаимоотношений производна от двух дифференцирующих критериев: (а) типа действия и (б) механизма осуществления контроля и навязывания воли (Таблица 2).

Преыдушие таксономии были одномерными.⁴⁸ Льюкс, который утверждает, что его классификация имеет трехмерный характер, фактически использует единственный критерий: стадия деятельности, на которой происходит навязывание воли.⁴⁹ Он разграничивает фактическое принятие решений, процесс составления повестки дня (исключение некоторых тем из

⁴⁴ Weber, *Economy and Society*, pp.217-9,243-4,1006-11,1059-61.

⁴⁵ R. Rose, W. Mishler & N. Munro, *Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), Ch.1.

⁴⁶ Beetham, *The Legitimation of Power*, Ch.6.

⁴⁷ T. Kuhn, 'Scientific Paradigms', in: Barnes Barry, ed., *Sociology of Science: Selected Readings* (Harmondsworth: Penguin Books, 1972), p.86.

⁴⁸ Wrong, *Power*, pp.22-24; Beetham, *The Legitimation of Power*, pp.16-21; Ледяев, *Власть*, Гл.12; Scott, *Power*, p.16.

⁴⁹ Lukes, *Power*, Ch.1.

повестки дня) и наиболее глубокий уровень индивидуальных предпочтений: власть как влияние на то, чего хочет индивид.

Критерий (а) позволяет нам частично восполнить пробелы, существующие между основными теоретическими подходами в социологии, а именно интеракционизмом (сосредоточенном, главным образом, на привычном действии), позитивизмом (с его акцентом на нормальном действии) и критическими теориями (затрагивающими вопросы обоснования). Также раскрывается взаимодополняющий характер двух основных традиций в философии: континентальной философии и философии аналитической. Индивидуалистический и рационалистический подход, свойственный аналитической философии, представляется релевантным для изучения контроля, встроенного в нормальное действие. Контроль в регистре обоснованного действия произведен от институциональной среды, для чего необходим глобальный и интерпретативный подход, характерный для континентальной философии.

Что касается критерия (b), то в соответствии с конкретными вопросами исследования он может быть определен либо как различные механизмы навязывания воли, либо как набор ограничений властного произвола (см. подробнее в главе «Потенциальные и реальные ограничения своекорыстного поведения государственных служащих в России»). Например, для поддержания притязаний на власть может быть использована как физическая сила, так и сила воли, если подчинение достигается посредством «создания физических препятствий, ограничивающих свободу другой стороны, причинением физической боли или нанесением телесных увечий, включая и лишение самой жизни и возможности удовлетворения основных биологических потребностей».⁵⁰ С другой стороны, сила может уравнивать другую силу и этим ограничивать масштабы применения последней. Другими словами, предлагаемая таксономия может быть легко адаптирована к изучению ограничителей власти.

Механизмы осуществления контроля и навязывания воли перечислены в порядке снижения интенсивности насилия, которое с ними ассоциируется: от насилия в самых крайних формах его проявления до убеждения с помощью утилитарных аргументов и трехступенчатого процесса обоснования. Если использовать основную, вошедшую в обиход метафору, то постепенная замена контроля над телом (принуждения или, как это формулирует Скотт, коррекции) контролем над сознанием (убеждением) происходит в результате процесса модернизации.⁵¹ С приходом капитализма с его обезличенными и неосязаемыми формами контроля настоящее и непрерывное использование тела в качестве средства для навязывания воли становится менее релевантным.

⁵⁰ Wrong, *Power*, p.24.

⁵¹ Mitchell, 'Everyday metaphors of power', pp. 566.

Таблица 2. «3×3 таксономия властных отношений»

		Тип действия					
		I. Привычное	II. Нормальное	III. Обоснованное			
Навязывание воли через	Насилие, через	a. Применение силы	(и/или) насилие в быту; насилие над детьми	Рабство	(и/или) деспотизм		
		b. Принуждение (угрозами)		Шантаж; рэкет			
		c. Манипулирование	Манипулирование чувством вины	Оппортунизм	Realpolitik		
	Рациональное обоснование, через	d. наложение интересов	Специализация между супругами	Монополия	Монополистический капитализм		
		e. использование структурных перекосов системы	Муж, не проявляющий дискриминации, в маскулинизованном обществе	Гибридные формы («неоклассические» договоры)	Гегемония		
		f. обеспечение выигрыша от подчинения (раздача обещаний)	Брак по расчету	Рассогласованная власть; «Фордизм»	Капитализм		
	Легитимацию, через	g. Соблюдение установленных правил	Зарегистрированный брак; венчание в церкви	Частная бюрократия; техноструктура	Рационально-правовая власть, конституционная автократия	Полноценная демократия	
		h. Соответствие правил общим представлениям	«Межличностное взаимопроникновение»	Согласованная власть			Традиционная власть
		i. Выражение согласия	Гражданский брак	Сеть с колесообразной структурой			Харизматическая власть, плебисцитарная автократия

Стратегия принуждения (b) предполагает угрозу применения негативных санкций, например, силы. Принуждение отличается от силы (a), потому что, во-первых, оно оставляет подчиненному некий выбор,⁵² и, во-вторых, потому что

⁵² Wrong, *Power*, p.38; Wartenberg, *The Forms of Power*, p.100.

господствующий окажется в худшем положении, чем ему или ей нужно, если данная тактика не даст результата. Дело в том, что оба они проигрывают в случае реального применения силы.⁵³ Манипулирование (с) означает «любую намеренную и успешную попытку повлиять на реакцию другого там, где желательный ответ другому четко не сообщили».⁵⁴ Манипулирование требует контроля над информационными потоками и способности включать и выключать их тогда, когда захочется. В результате манипулирования индивид, которым манипулируют, живет в «виртуальном» мире, искусственно сконструированном в соответствии с желаниями тех, кто наделен властью. «Контроль над СМИ, естественно, является ключом к контролю над виртуальным миром».⁵⁵

Комбинация рациональных аргументов и дискреционных ограничений, урезающих выбор, делает стратегию навязывания воли через наложение интересов (d) осуществимой. Несмотря на видимость свободного выбора, субъект, подчиненный власти монополии, ощущает угнетение. «Из-за отсутствия правил господство, которое зарождается на рынке, или в результате наложения иных интересов может ощущаться как нечто более гнетущее, нежели подчинение авторитету, при котором обязанности послушания излагаются четко и определенно».⁵⁶ Субъект, находящийся под влиянием монополистической власти, имеет только две возможности: либо принять условия, навязываемые монополистом, либо отказаться от рационального удовлетворения своих интересов, для чего требуется согласование собственной деятельности с монополистом.

Передача контроля в результате наложения интересов (d) более широко распространена, нежели случай экономической монополии. Навязывание воли может стать результатом сознательного использования, как их называет Льюкс, «структурных перекосов системы» в целом.⁵⁷ Взаимоотношения можно структурировать так, что они систематически будут благоприятны для одной стороны и неблагоприятны для другой. «Изменение ситуации выбора, в которой оказываются люди, представляет собой... важный способ изменения их индивидуальной и коллективной власти».⁵⁸ Это служит обоснованием включения в таксономию особой технологии навязывания воли, а именно власти в результате использования структурных перекосов (e), или структурной власти. Структурную власть не следует смешивать с удачей. В последнем случае, утверждает Кейт Доудинг, субъект просто получает то, что хочет, причем ему/ей не нужно навязывать свою волю, тогда как в первом случае

⁵³ Шеллинг, *Стратегия конфликта*, с.156.

⁵⁴ Wrong, *Power*, p.28.

⁵⁵ A. Wilson, *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World* (New Haven, CT and London: Yale University Press, 2005), p.43.

⁵⁶ Weber, *Economy and Society*, p.946.

⁵⁷ Lukes, *Power*, p.25.

⁵⁸ Dowding, *Power*, p.24.

субъект прилагает усилия, чтобы обратить структурные перекосы себе на пользу.⁵⁹

Структурные перекосы принимают, как минимум, две формы. Во-первых, правила игры, т.е. процедуры координации, обеспечивают одной стороне больше вариантов, соответствующих его/ее интересам, нежели другой стороне. Другими словами, пространство для маневра может быть разным. «Обладатели основных ресурсов ограничивают самостоятельность других тем, что ограничивают набор значимых для принятия решения факторов и стратегий действия, которые кажутся последним реально осуществимыми и желательными».⁶⁰ Во-вторых, сами интересы и желания субъекта, находящегося под влиянием структурной власти, могут быть изменены и «искажены» по сравнению с тем, что у него/нее были бы в «противоречащей факту» ситуации, когда он/она не был бы в сфере действия власти. «*A* может осуществлять власть над *B*, заставляя его делать то, что он делать не хочет, но он также осуществляет власть над ним, влияя, оформляя и определяя собственно то, чего последний хочет».⁶¹

Стратегия, направленная на то, чтобы обеспечить выгодность подчинения (f), выводится из модели рационального выбора в чистом виде: обещание позитивных санкций со стороны того, кто господствует, увеличивает выигрыш подчиненного, если он/она передаст право контролировать его/ее действия. И, наконец, вместо того, чтобы объединять нравственные, неутилитарные механизмы убеждения (g, h и i) в один случай, я пойду по пути, который предлагает Битэм, чтобы представить картину с бóльшим количеством нюансов.

Само определение трех типов действия предполагает возможность существования взаимосвязи между ними и механизмами навязывания воли. Например, «безмолвная» и часто нереклексивная координация в регистре привычного действия не исключает перетекания во власть в чистых формах (заштрихованные клетки Ia, Ib и Ic). Ориентация на выполнение рационально выбранного плана или реализацию какого-то проекта требует привлечения утилитарных аргументов. Нужно говорить на языке определенных интересов (заштрихованные клетки II_d, II_e и II_f). Координация с обобщенным Другим требует привлечения наиболее универсальных норм, воплощенных в праве или в традициях (g), ссылок на разделяемые всеми ценности (h) и агрегирования частных интересов (i), что указывает на заштрихованные клетки III_g, III_h и III_i. Подробное рассмотрение всех случаев заслуживает отдельного исследования; в следующей части даны комментарии к некоторым из них.

⁵⁹ Ibid., Ch.4.

⁶⁰ Scott, *Power*, p.72.

⁶¹ Lukes, *Power*, p.27.

Часть III: Эмпирические и аналитические иллюстрации

[Id] Экономический подход к браку, который разработал Гэри Беккер, иллюстрирует этот момент. Он утверждает, что разумные субъекты заинтересованы в углублении разделения труда по гендерному признаку и тем самым укрепляют и свой брак.⁶² Чем больше супруги зависят друг от друга в силу взаимно дополняющего характера имеющихся у них навыков (например, один растит детей, а другой зарабатывает на жизнь), тем стабильнее их взаимоотношения.

[Ie] Томас Уортенберг рассматривает соответствующий случай, когда муж, не являющийся сторонником дискриминации, действует в рамках структуры, которая характеризуется структурным искажением в том смысле, что в ней преимущество получают мужчины, т.е. он живет в маскулинизированном обществе.⁶³ Несмотря на тот факт, что данный конкретный муж лично не дискриминирует свою жену, альтернативы ее действий и имеющиеся в ее распоряжении варианты производны от гендерного дисбаланса, присущего институциональной среде. Поэтому получается, что жена зависит от своего мужа и находится в неравных отношениях с ним, несмотря на то, что он предпочитает отношения недискриминационные. Координируя свои действия с действиями жены, этот муж реализует свои интересы более полно, чем его жена, и фактически он навязывает ей свою волю.

[Ih] Один из «кодов» любви, о которых пишет Никлас Луман, состоит в обозначении ее как «межличностного взаимопроникновения на высоком уровне».⁶⁴ Влюбившись, человек намеревается изучить и понять личность того, кого полюбил. Проблема нахождения общего знаменателя двух личностей не имеет раз и навсегда данного решения, потому что каждая из этих личностей имеет сложную многоуровневую структуру.

[Ic] По определению, которое часто используется в экономической литературе, оппортунизм подразумевает, что человек «преследует личный интерес с использованием коварства».⁶⁵ Иными словами, оппортунизм позволяет одной из сторон осуществить план, обманув другие участвующие в нем стороны.

[Ie] Представители институциональной экономики уделяют повышенное внимание гибридным формам (hybrids), на основе которых

⁶² Г. Беккер, *Человеческое поведение: экономический подход* (Москва: Издательство ГУ-ВШЭ, 2003), см. Введение и раздел «Экономика семьи».

⁶³ Wartenberg, *The Forms of Power*, pp.157-. «Общество считается маскулинизированным, если гендерные роли существенно отличаются: от мужчин ожидается напористое, жесткое и нацеленное на достижение материального успеха действие, тогда как женщина предполагается скромной, нежной и занятой вопросами качества жизни» (G. Hofstede & G. J. Hofstede, *Cultures and Organizations: Software of the Mind* [New York: McGraw-Hill, 2005], p. 120).

⁶⁴ N. Luhman, *Amour comme passion: De la codification de l'intimité* (Paris: Aubier, 1990), p.198.

⁶⁵ О. Уильямсон, *Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация* (Санкт-Петербург: Лениздат, 1996), с.97.

осуществляется долговременное сотрудничество между партнерами, формально сохраняющими свою независимость. Долговременное сотрудничество ведет к возникновению специфических активов, которым трудно найти альтернативное применение вне рамок конкретной сделки, не нанеся при этом серьезного ущерба их ценности. В конечном счете, стороны оказываются в такой зависимости друг от друга, что не могут избежать властных взаимоотношений, если эта зависимость приобретает асимметричный характер.⁶⁶ Специфические активы приводят к возникновению структурного перекаса: их владелец имеет преимущество в переговорах о распределении прибыли от сотрудничества.

[Pf] Обычно экономисты ведут разговор о разделении полномочий по контролю в терминах отношений между Принципалом и Агентом.⁶⁷ Фордизм (имеется в виду Генри Форд) иллюстрирует идею рассогласованной власти в чистом виде. Например, предполагается, что за хорошую зарплату (знаменитая политика \$5 за рабочий день) сотрудники должны соглашаться на утомительную работу за конвейером и отказываются от попыток оспорить или хотя бы ограничить всевластие своего босса. Форд, – как и некоторые другие современные ему предприниматели, включая Джорджа Пульмана, – дошел до того, что пытался присвоить себе право контролировать моральный облик своих работников.⁶⁸

[Pg] Вебер не вдается в детали, касающиеся частной бюрократии. Он просто противопоставляет государственное учреждение частной канцелярии или бюро, которое создается для управления предприятием.⁶⁹ Концепт техноструктуры помогает пролить свет на этот вопрос. Джон Гэлбрейт использует этот термин для описания всей совокупности работников, от менеджеров высшего звена до работников умственного труда, обладающих специальными знаниями и умениями, которые организованным образом задействованы в процессе принятия решений. Другими словами, техноструктура означает любое «организованное знание», касающееся работы фирмы.⁷⁰

[Pi] Структура сети с колесообразной структурой предполагает, что право контроля делегируется тому члену, который временно оказывается на пересечении коммуникационных каналов. В этом случае власть бывает результатом решения, основанного на консенсусе (i), который вырабатывается на основе общей заинтересованности в сокращении информационных издержек

⁶⁶ К. Менар, «Теория организаций: разнообразие соглашений в развитой рыночной экономике», в кн. А. Олейник, под общ. ред., *Институциональная экономика* (Москва: Инфра М, 2005), с.202-206.

⁶⁷ J. Stiglitz, 'Principal and Agent', in: J. Eatwell, M. Milgate & P. Newman, eds., *The New Palgrave: A Dictionary of Economics* (New York: Stockton Press, 1987), p.966-971.

⁶⁸ R. Boyer & A. Orléan, 'La convention salariale fordienne: Les obstacles d'une innovation locale dans la transformation du mode de régulation', *Couverture Orange No. 9029* (Paris: Centre d'études prospectives d'économie mathématique appliquées à la planification, 1990), pp.23-29; M. Walzer, *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality* (New York: Basic Books, 1983), p.295.

⁶⁹ Weber, *Economy and Society*, p.957.

⁷⁰ Дж. Гэлбрейт, *Новое индустриальное общество* (Москва: Прогресс, 1969), Гл.6.

и оптимизации информационных потоков (II). Поэтому «видимость иерархии вряд ли можно считать нарушением структуры группы с однородным составом».⁷¹

[IIg+IIh+IIi] Перечень аргументов, приводимых в пользу фирм, принадлежащих рабочим и находящихся под их демократическим контролем, обычно содержит ссылки на установившиеся правила и их соответствие коллективным представлениям, на необходимость выражения согласия со стороны подчиненных. Во-первых, сторонники самоуправляемых фирм предполагают преобразовать структуру собственности, не нарушая при этом имущественных прав (например, помогая сотрудникам выкупать акции по Плану владения служащими акциями своих компаний, Employee Share Ownership Plans) и трактуя право собственности как «право на приобретение собственных ресурсов, необходимых для обеспечения политической свободы и достойного существования».⁷² Во-вторых, экономический смысл самоуправляемых фирм сводится к тому, что они усиливают «у работников материальную заинтересованность в том, чтобы делиться приватной информацией»,⁷³ которая представляет ценность с точки зрения управления (например о том, насколько старательно работают сотрудники). Другими словами, самоуправляемые фирмы помогают достичь единства интересов и верований. В свою очередь, существование общих интересов создает безусловную необходимость в регулярном выражении согласия со всеми ключевыми решениями. Купить команду людей – не то же самое, что купить товар.⁷⁴

[IIIa] Попытки оправдать деспотизм и этим сделать его приемлемым в глазах обобщенного Подчиненного не редки. Например, отцы–основатели европейского Просвещения больше доверяли просвещенным деспотам, считая их движущей силой реформ, а не представительным правительствам.⁷⁵ И все же здесь присутствуют элементы случая IIIh (когда есть ссылка на совокупность общих представлений, воплощенных в научной доктрине) и чистые случаи оправдания власти просто фактом обладания ею встречаются не столь часто.

[IIIc] История *realpolitik*, или политической сферы, заполненной коррумпированными людьми и коррумпированными правителями, начинается с *Государя* Николо Макиавелли. «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы

⁷¹ O. Williamson, *Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust implications: A Study in the Economics of Internal Organization* (New York: The Free Press, 1975), p.47.

⁷² R. Dahl, *A Preface to Economic Democracy* (Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 1985), p.112.

⁷³ S. Bowles & H. Gintis, 'A Political and Economic Case for the Democratic Enterprise', *Economics and Philosophy*, Vol.9 (1993), p.77.

⁷⁴ L. Putterman, 'The Firm as Association versus the Firm as Commodity: Efficiency, Rights and Ownership', *Economics and Philosophy*, Vol.4, No.2 (1988), pp.245-246.

⁷⁵ M. Malia, *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum* (Cambridge, MA and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999), p.68.

недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же».⁷⁶ Главная задача политехнологий, и, в частности, «черного пиара» состоит в оправдании власти путем искажения информационных потоков, если оправдать эту власть на основе неискаженной информации представляется невозможным. Инструментарий политехнологов включает строительство политических партий, в том числе и таких, которые находятся в «псевдо-оппозиции», уничтожение других партий, провоцируя, например, конфликты и расколы, определение общей динамики проводимых ими кампаний, создание мифов и тому подобное.⁷⁷

[Ше] Ситуация гегемонии, которую впервые описал Антонио Грамши, возникает в результате структурных перекосов в системе в целом, а не только из-за перекосов в рыночных структурах.⁷⁸ Гегемония означает, что субъекты, на которых распространяется власть, воспринимают ситуацию таким образом, что не видят никакой серьезной альтернативы и соглашаются на собственное подчиненное положение, как на меньшее из двух (или более) зол. Дело в том, что тот, кто наделен властью, может с успехом убедить подчиненного, что его/ее смирение и есть меньшее из всех зол даже тогда, когда существуют серьезные альтернативы. Тогда искажения и перекосы на уровне культурных представлений обеспечивают обоснование передачи контроля. Подобное смещение происходит в результате распространения определенных идеологий, или, как их называет Даглас Норт, общих ментальных моделей. «Идеологии представляют собой общие рамки ментальных моделей, которые принадлежат группам людей, и которые помогают как интерпретировать окружающий мир, так и предписывают варианты его изменения».⁷⁹ Если рассматривать альтернативы через призму искаженной идеологии, то многие из них утрачивают свою релевантность, что способствует оправданию статус кво.

[Шф] Рационализацию подчинения не следует смешивать с его обоснованием через отсылку к рациональным соображениям. Первое соответствует нормальному действию (клетка Пf), а отношения найма служат иллюстрацией (зарплата делает планы и интересы босса и работника совместимыми). Второе требует выхода за рамки конкретного плана в «сферу денег»⁸⁰ или в «рыночный мир» (*monde marchand*).⁸¹ Тем не менее, существует противоречие в утилитарных принципах, когда их используют для оправдания подчинения в глазах обобщенного Другого: «то, что происходит на рынке, должно, как минимум, приближаться к обмену между равными».⁸² Из-за этого противоречия человек редко слышит рациональные доводы в пользу

⁷⁶ Н. Макиавелли, *Государь* (Москва: Планета, 1990), Гл. XVIII.

⁷⁷ См. обзор в Wilson, *Virtual Politics*.

⁷⁸ Scott, *Power*, Ch.4.

⁷⁹ A. Denzau & D. North, 'Shared Mental Models: Ideologies and Institutions', *Kyklos*, Vol.47, No.1 (1994), p.3.

⁸⁰ Walzer, *Spheres of Justice*, pp.100-126.

⁸¹ L. Boltanski & L. Thévenot, *De la justification: les économies de la grandeur* (Paris: Gallimard, 1991), pp.241-252.

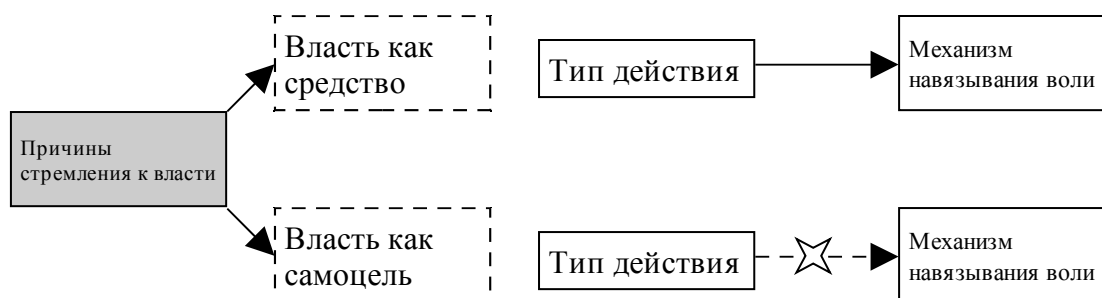
⁸² Walzer, *Spheres of Justice*, p.120.

подчинения богатым, которые звучали бы публично и за пределами фирмы. Напротив, такие аргументы нужно «развенчивать» с помощью критического анализа. Карл Маркс определяет капитализм как систему, основанную на контроле всего производственного процесса собственником капитала. Подчинение процесса производства целям накопления капитала наделяет его собственника определенными организационными функциями. «Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения».⁸³

Часть IV: Вводить ли третье измерение?

Взаимосвязь между типом действия и механизмом навязывания воли существует до тех пор, пока власть обладает инструментальной ценностью. Это значит, что субъекты стремятся к достижению иных целей помимо собственно захвата власти: власть не является самоценной, а инструментальна в решении проблемы координации. Однако власть может иметь и терминальную ценность, что помещает ее в тот же перечень, где присутствуют, например, богатство или слава. Это замечание подводит нас к рассмотрению вопроса о том, имеет ли смысл вводить третью переменную в таксономию. Новая переменная позволяет анализировать власть с точки зрения причин, в силу которых люди стремятся к власти. У новой переменной есть два атрибута: власть как средство достижения каких-то других целей, и власть как самоцель (Рисунок 3).

Рисунок 3. «Упущенная дифференцирующая переменная: причины, лежащие в основе стремления к власти»

Власть как самоцель можно представить себе как игру с нулевой суммой: одна сторона может выиграть только за счет другой стороны (Таблица 3⁸⁴). У власти как *средстве*, напротив, есть ряд черт игры с ненулевой суммой. «Выигрыш» в конфликте не имеет строго состязательного смысла; это не победа, одержанная над врагом. Здесь подразумевается выигрыш относительно своей собственной системы ценностей, и его можно добиться путем

⁸³ К. Маркс, *Капитал*, Том 1 (Москва: Издательство политической литературы, 1988), Гл.11.

⁸⁴ Большинство спортивных единоборств (да и спорт вообще) может быть концептуализировано аналогичным образом. Стоит заметить, что в данной игре есть только одно равновесие по Нэшу, когда каждый из игроков стремится навязать свою волю другому (верхняя левая клетка). В конечном счете, в этой схватке за господство победитель отсутствует.

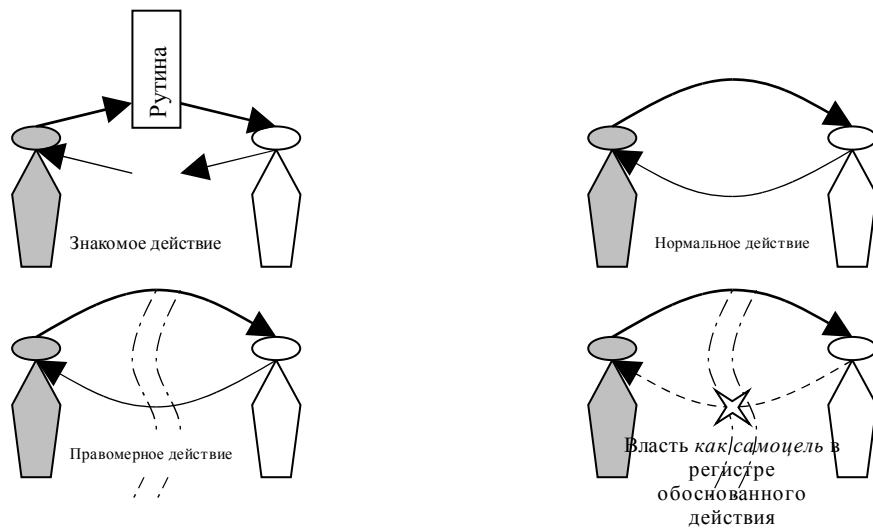
переговоров, компромиссов, а также избегая поступков, наносящих обоюдный ущерб».⁸⁵

Таблица 3. «Власть как самоцель как игра с нулевой суммой»

		2 ^{ая} сторона	
		Навязывать волю	Не навязывать волю
1 ^{ая} сторона	Навязывать волю	0, 0 [N] ▲ ←	▲ 1, -1
	Не навязывать волю	-1, 1 ▲ ←	▲ 0, 0

Если власть как самоцель характеризует отношения в регистре обоснованного действия, это равносильно провалу ее обоснования. Обоснованное действие требует легитимации власти, т.е. убеждения обобщенного Другого. Здесь же тот, кто господствует, в лучшем случае негативно учитывает мнение подчиненного, расценивая его как одно из препятствий навязыванию своей воли, или же просто игнорирует это мнение (Рисунок 4). Другими словами, власть остается необоснованной, несмотря на потребность в ее обосновании. Отсюда становится понятным отличие данной конфигурации властных отношений от более простого случая, когда власть навязывают с помощью насилия (Ряды а, б и с в Таблице 2).

Рисунок 4. «Прямые и обратные связи в отношениях между лицом, наделенным властью, и подчиненным: четыре случая»

Главное преимущество введения нового измерения в таксономию состоит в различении на первый взгляд сходных случаев авторитета, прибегающего к принуждению, и авторитарных режимов, основанных на принуждении: в двухмерной матрице оба эти случая находились бы в клетке IIIb. Такое смешение привело к тому, что Ронг оспаривает обычное противопоставление власти как контролем, основанном на насилии (power), и авторитетом,

⁸⁵ Шеллинг, *Стратегия конфликта*, с.17.

основанном либо на рациональном расчете, либо на обосновании (authority).⁸⁶ В частности, он утверждает, что применение насилия может оказаться необходимым для достижения обоснованных целей (фактически именно этого и ожидают от современного государства согласно классическому определению Вебера,⁸⁷ а именно того, что оно применяет насилие для поддержания порядка). Однако авторитарное государство тоже использует насилие для поддержания своего порядка. Например, когда в 30-х годах Иосиф Сталин прилагал усилия по расширению сферы своего контроля, это могло выдаваться за восстановление порядка и законности.⁸⁸

Задача различения авторитета, прибегающего к принуждению, и авторитарной власти требует знания причин стремления к власти. В первом случае контроль над другими людьми имеет инструментальную ценность, он просто является инструментом координации. В последнем случае контроль приобретает самоценность, тогда как координация совместной деятельности, по-видимому, низводится до роли средства. Это значит, что главное препятствие, мешающее полностью задействовать трехмерную таксономию, заключается в том, что необходимо восстановить картину происходящего в «черном ящике» сознания субъекта, осуществляющего контроль. Каковы его/ее *истинные* намерения и интересы? «Следовательно, отношение власти нельзя определить, если отсутствует указание на намерения и интересы... властвующего».⁸⁹

Есть несколько исследовательских стратегий, которые могут помочь заглянуть внутрь «черного ящика» сознания субъекта, облеченного властью. Во-первых, исследователь может сделать «героическое» допущение, что институциональная среда определяет намерения субъекта. Тогда основное значение будет иметь конкретная конфигурация внешних ограничителей: жесткие рамки ограничивают оппортунизм субъекта и не дают ему/ей возможности злоупотреблять своим правом контролировать действия других людей (см. подробнее в главе «Потенциальные и реальные ограничения своекорыстного поведения государственных служащих в России»). В детерминистской перспективе чем жестче рамки, в которые помещен властвующий субъект, тем лучше. Во-вторых, исследователь может описать и проанализировать индивидуальные и групповые предпочтения обладателей власти с помощью глубинных интервью. В программу исследования тогда необходимо включить специальную методику интервьюирования, а именно

⁸⁶ Wrong, *Power*, pp.38-.

⁸⁷ Weber, *Economy and Society*, p.54.

⁸⁸ П. Соломон, *Советская юстиция при Сталине* (Москва: РОССПЭН, 1998), с.148.

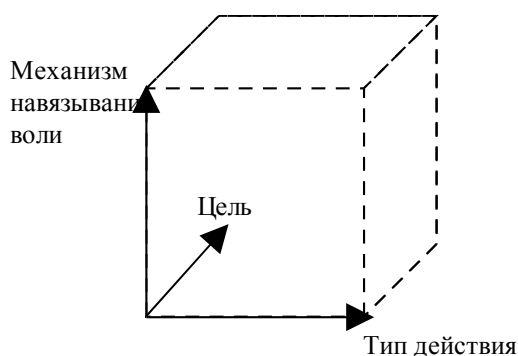
⁸⁹ Scott, *Power*, p.2. Уортенберг сталкивается с похожей проблемой при введении центрального для его анализа различия между господством как «негативным» использованием власти (в ущерб кому-то) и трансформативной властью как «позитивным» использованием контроля. «Трансформативная власть не является особым типом власти... скорее, она означает особый вариант использования властных полномочий, когда они *нацелены на укрепление* (empowering) *того агента, над которым осуществляется контроль*... В этих целях может применяться влияние, сила и принуждение» (Wartenberg, *The Forms of Power*, p.195, выделено мною).

сценарные подходы и «проекционные методики»,⁹⁰ позволяющие «раскрыть» истинные намерения и интересы. В-третьих, исследовательский инструментарий также включает контрафактивный анализ, который выстроен по предложенной Льюксом модели.⁹¹ Он нацелен на выявление того, какими будут сценарии координации в конкретной ситуации, в зависимости от того, обладает ли право контроля инструментальной или терминальной ценностью.

Выводы

В данном тексте была предпринята попытка изучить концепт властных отношений. Несмотря на то, что власть представляет собой одно из основных понятий общественных наук, существуют многочисленные пробелы, которые характеризуют большинство попыток сделать данную абстрактную категорию инструментальной и применить ее в эмпирических исследованиях, особенно в сравнительной перспективе. В отличие от таксономий властных взаимоотношений, которые разработали Льюкс, Ронг, Уортенберг, Доудинг, Битэм, Ледяев и Скотт, и которые имеют одномерный характер, в основе предлагаемой классификации лежит три переменных: (i) тип действия: привычное, нормальное и обоснованное; (ii) механизм навязывания воли: физические ограничения, рационализация и легитимация; и (iii) цель, ради которой стремятся к власти: власть как средство для достижения иных целей или власть как самоцель. Потенциально это дает нам трехмерную матрицу (Рисунок 5).

Рисунок 5. «Трехмерная таксономия властных взаимоотношений»

⁹⁰ Одна из таких методик заключается в помещении собеседника в гипотетическую ситуацию, в которой нет единственного социально одобряемого способа обоснования своих возможных действий. Одно из исследований бизнесменов, предположительно вовлеченных во внезаконные и криминальные виды деятельности, было проведено с помощью вопросов о поведении в таких «критических ситуациях» (A. Oleinik, N. Aparina, K. Clément, E. Gvozdeva, A. Kashturov & M. Minin, *L'analyse socio-économique du blanchiment: L'exemple des capitaux illicites russes en France et dans d'autres pays occidentaux* [Saint-Denis-La-Plaine: Institut National des Hautes Etudes de Sécurité, 2005]).

⁹¹ Lukes, *Power*, pp.43-.

Что касается сравнительных исследований, то здесь многомерная классификация представляется особенно плодотворной. Она позволяет нам избежать в анализе конкретных явлений использования категорий, специфичных для какой-то страны или культуры. Одномерные аналоги не обладают достаточной гибкостью и имеют меньше степеней свободы, что мешает тонкой подстройке и улавливанию деталей. К примеру, многие исследователи описывают господствующий в России тип властных отношений в терминах «русской власти», подчеркивая тем самым ее «вписанность» в конкретную институциональную среду.⁹² Однако специфика «русской власти», которую подчеркивают эти авторы – ее необоснованный характер, преобладание силы, принуждения и манипуляции и т.д. – вполне может быть описана с помощью предложенной таксономии, как перенесение модели власти (понимаемой как совокупность техник навязывания воли и цели ее навязывания), уместной в контексте привычного действия, в регистр обоснованного действия. Причем без каких-либо существенных изменений и адаптации. Отсюда феномен власти, «не нуждающейся в представлении другой вещи».⁹³

Все предлагаемые выводы носят скорее предположительный характер, и требуется большая дальнейшая теоретическая работа и эмпирические исследования, чтобы более тщательно рассмотреть соответствующие допущения и гипотезы и проверить их в количественном отношении. Так, из трех типов действия – привычного, нормального и обоснованного – основное внимание было уделено последнему. Нормальное действие обсуждалось намного менее подробно, тогда как привычное действие затрагивалось весьма поверхностно. Существуют, как минимум, две веские причины для изучения привычного действия через призму властных отношений. Такие важные организационные структуры, как семья и домашнее хозяйство, воплощают определенные конфигурации властных взаимоотношений. Более того, сексуальные преступления, некоторые виды бытовой жестокости и жестокости родителей в отношении детей, могут быть лучше поняты в перспективе взаимосвязи привычного действия и навязывания воли через физические ограничения.

⁹² В. Макаренко, *Русская власть: теоретико-социологические проблемы* (Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы, 1998); Ю. Пивоваров, *Русская политическая традиция и современность* (Москва: ИНИОН РАН, 2006).

⁹³ Ю. Пивоваров и А. Фурсов, «Правопреемство и русская власть», *Полития*, №1 (1998).